

Гайнуллин М.Х. Гордость братских народов : (К. В. Иванов в татар. культуре) : [на основе анализа творческого наследия] / М. Х. Гайнуллин // Классик чувашской поэзии : сб. ст., посвящ. 75-летию К. В. Иванова. — Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1966. — С. 165-174.

*М. Х. ГАЙНУЛЛИН,
заслуженный деятель наук Татарской АССР,
доктор филологических наук*

ГОРДОСТЬ БРАТСКИХ НАРОДОВ (К. В. Иванов в татарской культуре)

Жизненный и творческий путь классика чувашской демократической поэзии Константина Васильевича Иванова во многом напоминает судьбу наших татарских революционно-демократических писателей того периода. Он, как и деятели нашей культуры, учился в учительской школе и за активное участие в движении протеста был изгнан оттуда. Лишь с помощью первого чувашского просветителя Ивана Яковлевича Яковлева Иванов смог вернуться в Симбирск и развернуть литературно-педагогическую деятельность. Однако невыносимо тяжелые материальные условия и постоянные тревоги в годы реакции истощили его здоровье, и он в расцвете своего творчества, как наш народный поэт Габдулла Тукай, в возрасте 25 лет стал жертвой туберкулеза.

С творческим наследием Константина Иванова впервые сравнительно полно ознакомил татарскую общественность поэт Зариф Башири, который еще в годы реакции написал ряд работ, освещающих жизнь и устно-поэтическое творчество чувашского народа¹. Автор статей, хорошо знакомый с жизнью, бытом и культурой чувашского народа, приводит интересные образцы устной народной поэзии чувашей, ценные этнографические наблюдения.

Отмечая большую тягу к культуре, наблюдаемую среди чувашей, Зариф Башири подчеркивает их гуман-

---

¹ Статьи: «Чуваш теленен узенчелеклере» («Особенности чувашского языка»). «Шура», 1909, № 11; «Чувашларнын мекаль, табышмак, хикее ве жырлары» («Поговорки, загадки, сказки и песни чуваш»), «Шура», 1909, № 12.

ность, исключительную честность, верность данному слову. В статье находит яркое отражение трудолюбие чувашских женщин, высоко оценивается отсутствие среди чувашей многоженства.

Таким образом, татарская публицистика стремилась отметить лучшие и характерные черты соседних народов и сделать их примером подражания для своего народа.

Интерес к чувашскому народу и его литературе у Зарифа Башири не ослабевает в советский период. В книге «Чуваш эдебияты» («Чувашская литература») ² впервые мы читаем на татарском языке многие образцы чувашской письменной литературы: стихотворения «Змей», «Россия», «На реке Черемшан», «Ленин» и др. Н. Полоруссова; «Челем («Трубка»), «Совет иллере» («Страна Советов») Н. Васильева-Шубоссинни; «Татарлашкан чуваш» («Огатарившийся чуваш»), «Коммунизм жиле» («Веяние коммунизма») С. Фомина (Чёкеç); «Апайга» («Тёте»), «Ирекле тимерче» («Свободный кузнец») П. Хузангая; «Батрак», «Кук кукреу алдыннан» («Перед грозой») В. Рзая; «Корыч кораб» («Стальной корабль») С. Эльгера; «Яшьлер исебе», «Сонты телегем», «Мин январдым» Н. Васянки и ряда других.

Книга З. Башири начинается большой обзорной статьей «Чуваш эдебияты элек һәм хезер» («Чувашская литература прежде и теперь»), в которой особо подробно и с любовью рассказывается о творчестве Константина Иванова.

Поэт Константин Иванов,— пишет З. Башири,— создает большую поэму под названием «Нарспи», которая является его оригинальным произведением, где ярко повествуется о любви дочери богатого чуваша к бедному чувашскому джигиту. Отец насильно выдает ее замуж за старика-богача, но она убегает из дома ненавистного мужа и в неравной борьбе трагически погибает. Этим самым писатель, образно отражая протест Нарспи, подвергает уничтожающей критике законы религии и обычаи феодализма и капитализма, гласящие: богач достоин только богача. Поэма Иванова пробуждает самосознание чувашских женщин. Именно поэтому его поэма не только в свое время, но и теперь занимает

---

² З а р и ф Б а ш и р и. Чуваш эдебияты. Казан, 1928.

видное место в чувашской литературе и глубоко волнует чувашский народ.

Незабываемый образ Нарспи глубоко волнует и татарских писателей. Так, выдающийся татарский прозаик Гумер Баширов в своем известном романе «Намус» дает отдельные эпизоды о дружбе трудящихся татар и чувашей. В одном из этих эпизодов описывается пребывание скромной, трудолюбивой, обаятельной Нарспи в бригаде Нафиси в часы отдыха. Писатель тепло передает настроение и бодрость Нарспи в окружении своих татарских подруг, их душевные беседы и песни на чувашском и татарском языках.

Как утверждает сам Гумер Баширов, он при создании образа Нарспи неоднократно бывал в научной библиотеке Казанского университета, где знакомился с творчеством Константина Иванова, обращая особое внимание на его поэму «Нарспи», изданную на чувашском, русском и татарском языках. Для того, чтобы выбрать чувашскую песню, отражающую типическое настроение трудового народа, он одновременно изучал и чувашский фольклор. Гумер Баширов говорит, что образ Нарспи вызвал у него желание создать хотя бы эпизодический образ современной Нарспи, но образ не трагический, а воплощающий счастливую судьбу. Мы с радостью можем отметить, что писателю это удалось.

Вообще образ Нарспи занимает заметное место в татарской культуре. На основе сюжета романа Гумера Баширова композитор — народный артист СССР Назиб Жиганов написал оперу «Намус», куда включил специальную арию Нарспи, которая стала любимой песней видных татарских певиц, исполняющих ее с большим вдохновением.

Все это говорит о бессмертности образа Нарспи, отражает неугасимые симпатии наших писателей, композиторов и всех деятелей культуры к богатому творческому наследию Константина Иванова.

В октябре 1940 года советская общественность всенародно отметила 50-летие со дня рождения Константина Иванова. С этого времени в Татарии еще больше усиливается внимание к его творчеству. Кроме отдельных отрывков, опубликованных на страницах газет и журналов, в переводе видного татарского поэта Шарфа Мударриса в 1941 г. издается полный текст поэмы

«Нарспи» с предисловием другого татарского поэта Сахаба Урайского, в котором излагается жизненный и творческий путь поэта. О поэме «Нарспи» Урайский пишет:

«Поэма «Нарспи» дорога тем, что в ней отражается целый период из жизни чувашского народа, его чувства, горе и радость. В ней воплощаются прогрессивные и революционные требования чувашского народа, отражается его протест против власти денег, против рабства.

В поэме на исключительно мастерски построенном сюжете в прекрасных неповторимых образах показаны искренняя взаимная любовь и идеалы чувашской молодежи...

В образе Нарспи поэт показывает самых передовых и храбрых представительниц чувашских женщин. Здесь нельзя не изумляться исключительному таланту поэта, свежести его романтики, художественному мастерству. Поэма — подлинно народное произведение. Язык поэмы — чисто народный. И поэтому Иванов считается основателем чувашского литературного языка, первой ласточкой чувашской литературы»³.

Мы также восхищаемся исключительным талантом выдающегося сына чувашского народа.

В 1958 г. выпускается второе издание поэмы «Нарспи» в переводе Шарафа Мударриса. Предисловие пишет поэт Хисам Камалов. Х. Камалов знакомит с биографией поэта, его творчеством. Оценивая поэму «Нарспи» он пишет:

«Поэма «Нарспи» изображает страшную трагедию в жизни людей, вызванную социальным неравенством. Деньги, богатство, задушив в своих тисках, все земное подчиняют своей воле. Самые благородные чувства человека, самые искренние отношения между людьми растаптываются богатством, деньгами. Это было такое время, когда «Атасы ашый кыз башын, Туган ашый туганын»⁴. (Отец губит свою дочь, родной губит родного).

Ш. Мударрис переводил «Нарспи» непосредственно с оригинала, для чего ему пришлось основательно изучить чувашский язык. Высоко оценив качество перевода, Х. Камалов отмечает, что Ш. Мударрис, чтобы довести до татарских читателей всю красоту произведения К. Иванова, «приложил очень много энергии».

Сопоставление татарского перевода поэмы «Нарспи»

---

³ К. Иванов. Нарспи. Перевод на татарский язык Ш. Мударриса.

⁴ Там же, стр. 4.

с оригиналом на чувашском языке подтверждает правильность высказывания Камалова. Сравнивая перевод с оригиналом, мы убеждаемся в добротности перевода. Сохраняя идейное содержание и основной стиль поэмы, переводчик добился хорошего звучания произведения на татарском литературном языке. Вот как звучит, например, отрывок из перевода той сцены, в которой Нарспи выполняет различные работы:

Иртук тора, киене,
Кунелен эшке бире ул.
Я ефек жеп ала да,
Жырлый-жырлый чиге ул.
Я ул башлый жейлерге,
Жеен тигез, тиз тезе;
Сус койрыклы корыч эт
Бер чыга да, бер кере.

Ирех тәрәт, тумланать,
Нарспи ёсе тытәнатъ:
Е пурсән сип илет те
Юрла-юрла тәрә тавать;
Е селеме ларать те,
Сёвви шәрса пек пулатъ,
Сус хуреллө хурса йытә,
Пёр кёрет те пёр тухать...

Ш. Мударрис сумел удачно использовать в своем переводе близость татарского языка к чувашскому (оба они — родственные тюркские языки), что ясно видно и из приведенного отрывка: здесь совпадают по смыслу и звучанию целые синтаксические обороты и выражения (Иртук тора — Ирех тәрәт, Жирлый-жирлый — Юрла-юрла, Сус койрыклы — Сус хуреллө и т. д.), и, благодаря этому, точно передается неповторимость рисунка (например, движения рук Нарспи: Бер чыга да, бер кере — Пёр кёрет те пёр тухать).

Правильно оценивая творчество Иванова, Х. Камалов, как нам кажется, в одном месте неуместно упрекает Сетнера в робости, основываясь на следующем диалоге Нарспи и Сетнера:

Дошман бик усал дилер,
Ничек аннан котылым?
Сетнер, Сетнер, ейтче син,
Кая китим, ни кыйлым?

Говорят, враг слишком грозен,
Как же быть в такой беде?
Ах, Сетнер, Сетнер, скажи ты,
Как спастись мне? Скрыться где?

Сетнер ей говорит:

Ул дошманны бетерер
Кечле куллар минде бар,
Лекин аны юк итсем,
Аннан усал денья бар!

Погубить врага я смог бы,—
Есть могучих пара рук,
Но, когда его погубишь,
Есть страшней: мир зла и мук⁵.

⁵ Все отрывки в переводе на русский язык приводятся по изданию: Константин Иванов. Собрание сочинений, Чебоксары, 1957.

Если, однако, правильно понять слова Сетнера «Ун-тан усал тёнче пур» (это выражение не совсем точно передано в русском переводе, поэт не говорит о «муках», а лишь о том, что «есть более страшный, злой мир», который нельзя перебороть), то мы видим, что писатель глубоко реалистически понимает трагическое положение своих героев, которое зависело не от отдельных людей, а от целого социального строя, на что намекает устами своего героя.

Можем с уверенностью сказать, что Константин Иванов, как и его современник Николай Шелеби, был учеником великого гуманиста А. М. Горького.

Как известно, поэт Николай Полоруссов (Шелеби) (1881—1945), отражая веками накопленную в народных массах ненависть к царскому строю и его слугам, сложил гротескно-сатирическую песню «Россия». Не без влияния революционно-романтических поэм М. Горького Н. Шелеби написал романтическое стихотворение «Змей», в котором выражал уверенность в скором торжестве свободы.

Примечательно, что в годы реакции татарские и чувашские писатели в своих творческих исканиях обращались к великому русскому пролетарскому писателю А. М. Горькому. Вот два примера.

Один из секретарей редакции газеты «Казан мехбире» («Казанские известия») Ракиб Ракиби (Абдракипов) в статье «Гали емитлер» («Высокие надежды»), утверждая право человека на мирную и счастливую жизнь, выражал горячую уверенность в том, что эта жизнь настанет. Во второй части своей статьи, беря в качестве эпиграфа слова Горького «Человек — это звучит гордо», он пишет, что когда пройдут века, люди не станут, как сейчас, разъединяться, сословная и религиозная неприязнь не будет иметь места, жизнь станет прекрасной и радостной⁶.

Второй пример можем взять из поэмы «Нарспи» чувашского Константина Васильевича Иванова. Молодой поэт в этой классической поэме также утверждал право трудового человека быть хозяином, а не рабом жизни. Созвучно знаменитой крылатой фразе М. Горького «Человек — это звучит гордо» Константин Иванов восклицает:

⁶ Газета «Казан мехбире», 1907, №№ 247, 248, 249.

Нерсе кечле кешеден
Шушы якты деньяда?
Тик ул гына чын хужа
Жирде, суда, кайда да.

Нет сильнее человека
Во вселенной никого:
Он на суше и на водах
Стал хозяином всего.

Эти мотивы, проникнутые искренней любовью к трудовому народу, перекликаются с идеями «буревестника революции» — Горького. В тяжелые годы столыпинской реакции они будили веру в светлое будущее, в человека.

В татарской художественной литературе созданы образы чувашских девушек. Еще до революции, в 1911 году, Зариф Башири в своем рассказе «Чувашская девушка Анисса» вывел незабываемый образ чувашской девушки, наделенной богатой духовной силой, обаятельностью и способностью к большой и чистой любви. Этот рассказ писатель, уже живя в Уфе и близко ознакомившись с чувашским населением Башкирии, в советское время еще раз переработал и издал как повесть на чувашском языке.

Татарстан и его столица Казань, где впервые получил революционную закалку В. И. Ленин, где «духовно родился» А. М. Горький, является для многих народностей Поволжья колыбелью их культуры и литературы и заслуженно занимает значительное место в творчестве видных чувашских писателей и поэтов. Народный поэт Чувашии Педер Хузангай, владеющий в совершенстве родным чувашским, русским, татарским и рядом других языков, очень много сделал для ознакомления читателей братских народов Советского Союза с лучшими образцами чувашской поэзии, с сокровищницей русской и западной литературы. Он имел близкое общение с Такташом, Кутуем и многими другими татарскими советскими писателями. Стихотворения «Я живу в России», «Родному Татарстану», «Һадию Такташу» ярко отражают любовь талантливого поэта к своему родному краю и друзьям юности Такташу, Кутую и другим:

Туган илем, Татарстан,
Синде ускен чуваш идем.
Кабатланмас якты еллар
Иске теше аман минем...
Синде туды, нурлы Казан,
Минем ин беренче жырлар.
Кайда безнен ечер телде
Цыгырь укып йерген еллар? —

Чуваш, рожденный в Татарстане,
Всегда я помню, край родной.
Нет-нет и детство вдруг
предстанет
Живой картиной предо мной...
Казань! И песня молодая
Тобой взлелеяна моя.
Мой первый опыт одобряя,

Хади Такташ, Гадел Кутуй   В меня поверили друзья.
Миша кинеш бирген чорлар?   Поэт Кутуй, Такташ-поэт
Давали добрый мне совет⁷.

Хузангай внес ценный вклад в пропаганду произведений многих национальностей. В переводе на чувашский язык он создал книгу под названием «Родные голоса» — маленькую чувашскую антологию поэзии народов СССР и зарубежных стран, куда включил образцы татарской и башкирской поэзии.

Работа по изучению братских литератур, в том числе переводов, способствовала и способствует установлению искренней дружбы между нашими писателями. Как указывает Зариф Башири в книге «Чуваш эдебияты», ему при переводе произведений чувашских писателей огромную помощь оказал поэт Николай Полоруссов.

Обращает на себя внимание утверждение проф. М. Я. Сироткина о схожести героини Нарспи из поэмы К. Иванова и многих героинь литератур других народов. «Трагическая история и нравственный облик Нарспи, — пишет он, — роднит ее образ с образами женщин-героинь, выведенных великими писателями и поэтами русского и других братских народов»⁸.

Это мы видим и на примере татарской литературы. Одновременно именно в годы реакции в татарской литературе написаны произведения, в которых создана целая галерея образов угнетенной женщины. К ним относятся, например, «Ферьяд» («Жалоба», 1908) Габдуллы Тукая, «Татар хатыны» («Татарская женщина», 1909) Маджида Гафури, «Татар кызы» («Татарская девушка», 1909) Фатиха Амирхана и ряд других.

Знаменательно и то, что в творчестве чувашских и татарских писателей того периода появляются сходные новые жанры (поэмы Тукая «Ферьяд» и «Печен базары яхуд яца кисекбаш» от 1908 г. и «Нарспи» Константина Иванова того же года).

Судьба женских образов классика татарской прозы Галимджана Ибрагимова во многом напоминает судьбу

---

⁷ Перевод на русский язык П. Хузангая, татарский. — Х. Туфана и Ш. Мударриса.

⁸ М. Сироткин. Константин Васильевич Иванов (Критико-биографический очерк). В кн. К. Иванов. Собр. соч., Чебоксары, 1957, стр. 25.

Нарспи. В этом отношении очень характерна повесть Г. Ибрагимова «Татар хатыны нилер курми» («Что только не видит женщина татарка»), опубликованная в 1910 г. Эту повесть смело можно назвать родной сестрой поэмы «Нарспи». Причину такого родства нельзя считать случайной: она исходила из общности трагического положения женщин того периода вообще, женщин татарок и чувашек в особенности. Как чувашский классик К. Иванов, так и татарский классик Г. Ибрагимов с первых же дней своего творческого пути стремятся отразить в литературе тяжелую долю женщины. В своей повести Г. Ибрагимов, как и К. Иванов, с большой художественной выразительностью показывает социальные и религиозные притеснения татарской женщины, её протест против гнета, неизбежные противоречия между установившимися тогда этическими нормами и личностью.

Дочь богатого крестьянина Гульбану, как и Нарспи, насильно выданная замуж, не может мириться со своим рабским положением, в отчаянии решается не только бросить семью, но и порвать с родным краем, даже скрыть свой пол. Она, переодевшись, выдает себя за мужчину и только тогда временно чувствует себя свободной. Это было не реалистическое решение вопроса Г. Ибрагимовым. Поэтому Г. Ибрагимов в зрелом периоде своего творчества еще раз возвращается к этой теме. В переработанном варианте, изданном в советский период, судьба Гульбану решается реалистично, в типичных условиях своего времени. Убежав из дома мужа, как и Нарспи, она, бросившись в пруд, трагически погибает.

Как и у многих писателей-гуманистов, проблема освобождения женщины занимала большое место в творчестве всех видных татарских писателей. Их волновало тяжелое положение не только татарок, но и женщин вообще. Так, Г. Ибрагимов одновременно с написанием повести «Татар хатыны нилер курми» уже в 1909 г. приступил к созданию своего замечательного романа «Казак кызы» («Казахская девушка»), где вывел образ казахской девушки Карлыгач. В романе «Безнен кенер» («Наши дни») мы встречаемся с образом башкирской девушки Гульбики.

Произведения демократических писателей, отражающие тяжелую долю женщины, имеют большое интернациональное значение. Они ясно показывают, что освобождение женщины возможно лишь при уничтожении эксплуатации человека человеком, за что боролся в тяжелые годы реакции классик чувашской реалистической литературы и верный сын трудолюбивого, талантливому чувашского народа Константин Иванов.

